

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Андрей Жарский

Большинство национальных правовых систем предусматривают для стороны, столкнувшейся с неисполнением контрагентом своих обязанностей, возможность одностороннего прекращения договорных правоотношений, что выражается в праве отказаться от исполнения по договору (отказ от принятия либо оплаты товара), либо расторгнуть (*avoidance*), аннулировать (*rescission*) договор. Возникает вопрос: каково регулирование этой проблемы применительно к договору международной купли-продажи товаров? Очевидно, что специфика международной торговли не может не оказывать существенного влияния. Если, скажем, покупатель (импортер) отказывается от принятия и оплаты товара вследствие просрочки в его поставке, то продавец будет нести значительные расходы, связанные с необходимостью распорядиться непринятым товаром, т. е. либо перепродать его, либо осуществить обратную транспортировку на значительные расстояния. Для ответа на поставленный вопрос предлагается проанализировать соответствующие положения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (в дальнейшем — Конвенция), которая, в силу ее универсального характера, подлежит применению к большинству внешнеторговых контрактов с участием субъектов хозяйствования Республики Беларусь.

Не вызывает сомнений, что наличие у пострадавшей стороны правомочия отказаться от принятия ненадлежащего исполнения либо расторгнуть договор имеет правозащитный характер, ибо позволяет защитить нарушенные интересы. Значение же данного средства правовой защиты, основания его применения и соотношение с другими мерами защитного характера зависят от того, имеет ли оно только проспективный эффект (*ex tunc*), т. е. освобождает стороны от исполнения своих обязанностей в дальнейшем, либо носит и ретроспективный характер (*ex tunc*), т. е. направлено на восстановление положения, существовавшего до заключения договора.

Очевидно, что расторжение договора, имеющее проспективный эффект, защищает лишь тот интерес пострадавшей стороны, который относится к предотвращению возможного будущего ущерба и расходов, связанных с необходимостью принятия и дальнейшего использования исполнения, отличающегося от обещанного по договору, т. е. имеет главным образом превентивную функцию. Но если пострадавшая сторона полностью или частично исполнила свои обязательства, то расторжение ею договора, если оно будет носить только проспективный характер, не обеспечивает должную защиту ее интереса, связанного с возвратом исполненного (реституционный интерес). Во многих случаях именно возврат в натуре поставленного по договору, а не выплата денежной компенсации может обеспечить должную защиту продавцу, например, в случаях, когда убытки вообще не могут быть взысканы, либо когда цена на товар после заключения договора увеличилась. Более того, если за продавцом в случае расторжения

договора будет признаваться вещный характер прав на поставленный товар, что имеет место во Франции¹, то данное средство защиты, если неисправный покупатель не имеет денежных средств либо вообще находится в процессе банкротства, только и позволяет обеспечить должную защиту продавцу.

Если отечественная правовая система исходит из невозможности требовать возвращения того, что было исполнено до момента расторжения, "если иное не установлено в законе или в соглашении сторон" (ст. 423 Гражданского кодекса Республики Беларусь), то большинство правовых систем, так же как и Венская конвенция 1980 г., предусматривают за расторжением договора реституционный эффект, т. е. исполнивший договор контрагент может требовать от другой стороны возврата всего того, что им было поставлено или уплачено по договору.

Учитывая серьезность последствий расторжения договора для международной купли-продажи, что выражается в больших дополнительных расходах по возврату исполненного, содержащееся в Конвенции регулирование относительно расторжения договора можно, на наш взгляд, охарактеризовать как направленное на максимальное сохранение договорных отношений. Было принято во внимание и то обстоятельство, что расторжение договора переносит на неисправную сторону риски, связанные с изменением рыночной цены на товар, что позволяет потерпевшей стороне спекулировать на этом. Поэтому разработчики Конвенции предприняли попытку создать в отношении расторжения договора, как средства правовой защиты, такое регулирование, которое, с одной стороны, обеспечивало бы в максимальной степени защиту пострадавшему субъекту, но, с другой стороны, ограничивало бы злоупотребление этим правом. Учитывая это, предлагается сразу выяснить, в каких случаях сторона имеет право расторгнуть договор, а затем рассмотреть механизм реализации данного средства правовой защиты и ограничивающие его условия.

Основания расторжения договора международной купли-продажи товаров

Статьи 49(1) и 64(1) Конвенции устанавливают, что покупатель (продавец) может заявить о расторжении договора, "если неисполнение продавцом (покупателем) любого из его обязательств по договору или по настоящей Конвенции составляет *существенное нарушение договора*". Существенность же нарушения определяется в общей для сторон статье 25, которая устанавливает:

"Нарушение договора, допущенное одной из сторон, является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе *рассчитывать на основании договора*, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не пред-

Жарский Андрей Валерьевич — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

видела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его".

Рассматриваемое определение вызвало много споров и противоречий при его разработке и принятии на Венской конференции 1980 г., что, несомненно, должно быть принято во внимание при его толковании правоприменительными органами. Общий вывод, который, как нам представляется, может быть сделан исходя из имевших место дебатов, состоит в том, что ключевым для характеристики "существенного нарушения" является не размер и значительность ущерба (вреда), понесенного пострадавшей стороной, а то обстоятельство, лишается ли она своих "*ожиданий от договора*", т. е. "того, на что она была вправе рассчитывать на основании договора". И действительно, если проект Конвенции существенным называл нарушение, которое влечет *значительный вред* для стороны ², то результатом его обсуждения и изменения на Венской конференции 1980 г. явилась нынешняя формулировка статьи 25, которая обуславливает наличие существенного нарушения договора, а, значит, и права расторгнуть договор или требовать замены несоответствующего товара, теми случаями, когда пострадавшая сторона *не имеет дальнейшего интереса в исполнении* контракта в силу нарушения контрагентом какой-либо из своих обязанностей, причем размер действительно понесенного ущерба не имеет значения. Определение же того, насколько неисполнение той или иной обязанности будет представлять существенное нарушение договора, т. е. *в значительной степени* лишать сторону ее ожиданий от договора, определяется значением, важностью, которую данная обязанность имеет для одной из сторон применительно к достижению цели договора и которую следует определять именно исходя из его условий, согласованных двумя сторонами на момент заключения. Следовательно, можно сделать вывод, что для квалификации значительности вреда, а значит, и существенного нарушения договора, имеют значение не личные, субъективные интересы пострадавшей стороны, а те *ожидания от договора*, которые могут быть *объективно оценены, основываясь на самом договоре международной купли-продажи товаров*, при обращении в необходимом случае к толкованию его содержания.

Возникает вопрос, какое значение имеет тогда критерий предвидимости, установленный во второй части статьи 25? Необходимость его существования не могла бы вызывать сомнения, если бы существенное нарушение определялось через значительность размера ущерба, причиненного кредитору, что и имело место в проекте Конвенции. Иными словами, логика состояла в том, что нельзя позволять расторжение договора в тех случаях, когда неисправный контрагент и любое разумное лицо в данных обстоятельствах не могло предвидеть значительность такого ущерба, т. е. когда его размер главным образом обуславливается личными, субъективными для исправной стороны обстоятельствами. Если же за основу брать критерий утраты *значительной части* ожиданий, на которые пострадавшая сторона имела право рассчитывать на основе договора, что и имеет место в принятой редакции статьи 25, то, как уже отмечалось, эти ожидания сами по себе должны носить объективный характер, определяемый как содержанием самого договора, так и любой другой информацией, о которой должник знал или должен был знать до момента заключения договора. И бремя доказывания того,

значительных ли ожиданий была лишена пострадавшая сторона, а также *действительно ли данные ожидания основаны на договоре*, возлагается на исправного контрагента. Поэтому следует согласиться с профессором П. Шлехтримом, который допускает действие критерия предвидимости как защиты для нарушившей договор стороны лишь в исключительных случаях. Например, когда сторона, ссылающаяся на обстоятельства, свидетельствующие о важности нарушенной обязанности для достижения своих ожиданий от договора, подтверждает их существование, неисправный контрагент будет иметь возможность доказать то, что ни он, ни разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не могли предвидеть такого результата ³. Исходя из этой позиции, временной момент, когда предвидение должно иметь место, на наш взгляд, не может простираться за пределы заключения договора, ибо, в противном случае, сторона может уведомить должника после заключения контракта о своей особой заинтересованности в исполнении какой-либо обязанности, что позволит квалифицировать нарушение такой обязанности как существенное.

Расплывчатость и неясность формулировки статьи 25 создает проблемы для ее использования на практике. Как нам представляется, квалификация того или иного нарушения в качестве существенного должна осуществляться судом каждый раз исходя из конкретных обстоятельств. В частности, что касается поставки несоответствующего товара, то, как свидетельствует судебная практика применения Венской конвенции, покупатель может ссылаться на такое нарушение, как *значительно* лишающее его того, на что он был вправе рассчитывать на основе договора, только в том случае, если он не мог использовать дефектный товар для какой-либо другой цели (решение апелляционного суда г. Франкфурт-на-Майне от 18 января 1994 г. ⁴), либо он не мог его перепродать где-либо еще (решение Верховного суда Германии от 3 апреля 1996 г. ⁵). Кроме этого, на наш взгляд, при определении того, является ли поставка несоответствующего товара существенным нарушением договора, должна быть принята во внимание возможность продавца устранить такое несоответствие без неразумной задержки и не создавая неудобств и неопределенности для покупателя (ст. 48 Конвенции).

В некоторых случаях стороне, желающей расторгнуть договор, очень трудно определить, носит ли неисполнение контрагентом своих обязательств характер существенного нарушения, особенно если неисполнение связано с просрочкой, например непоставкой товара в срок, неуплатой цены или неприятием поставки. Разработчики Конвенции исходили из предположения, что сама по себе незначительная просрочка исполнения обязательств не является существенным нарушением, если только из содержания договора, характера товара (сезонность) либо на основании другой известной информации на момент заключения договора исполнение к указанному сроку не представляло повышенный интерес для стороны. Поэтому на исправной стороне лежит риск определения того, когда неисполнение обязательств во времени составит существенное нарушение, позволяющее расторгнуть договор. Чтобы избежать этой неопределенности, статьи 47 и 63 Конвенции предоставляют покупателю и соответственно продавцу право установить *дополнительный срок разумной продолжительности для исполнения контрагентом своих обязательств*, в течение которого он не может при-

бегать к каким-либо средствам правовой защиты, за исключением права взыскать убытки за просрочку. Это средство может быть использовано при любом нарушении договора, в том числе если оно удовлетворяет критерию существенного, что позволяет устранить неопределенность в отношениях сторон на этот срок: покупатель заверяет продавца, что исполнение, если оно будет представлено в установленный срок, будет принято и договор не может быть расторгнут. Вторая, основная функция извещений, предусмотренных статьями 47 и 63 (для их обозначения принято применять немецкий термин *Nachfrist*, который используется в праве Германии для отображения схожей категории), состоит в том, что по истечении установленного в уведомлении дополнительного срока договор может быть расторгнут, что устраняет какую-либо неопределенность в отношении квалификации просрочки исполнения в качестве существенного нарушения договора.

Поэтому статьи 49(1)(b) и 64(1)(b) предоставляют право расторгнуть договор, если продавец не поставит товар в течение дополнительного срока либо если покупатель не исполняет своего обязательства уплатить цену и принять поставку в течение периода, установленного в *Nachfrist* извещении. Следует подчеркнуть, что использование процедуры *Nachfrist* для расторжения договора возможно в отношении не любой обязанности, а только применительно к *непоставке товара продавцом и неплатежу цены и непринятию поставки покупателем*. Поэтому *Nachfrist* процедура не может быть использована для превращения поставки несоответствующего товара, самого по себе не являющегося существенным нарушением, в основание для расторжения.

Что касается содержания уведомления по статьям 47 и 63, то, как свидетельствует судебная практика, простого пожелания получить исполнение по договору к определенному сроку еще недостаточно, необходимо определить крайний срок для возможного исполнения⁶. Разумность же устанавливаемого для исполнения срока следует определять исходя из обстоятельств дела, принимая во внимание срок исполнения по договору, интересы кредитора, возможности неисправной стороны и другие схожие обстоятельства.

Таким образом, основанием для расторжения договора является такое его нарушение, которое влечет утрату интереса для исправной стороны продолжать дальнейшее исполнение. Только существенное нарушение договора либо использование процедуры *Nachfrist* позволяет стороне отступить от обязанности соблюдать договор (принцип *pacta sunt servanda*), т. е. его расторгнуть. В целом, Конвенция предусматривает регулирование, направленное на сохранение договорных отношений, допуская расторжение как исключительный случай.

Расторжение договора и его последствия для отношений сторон

Принципиальное значение для понимания правовых последствий нарушения договора международной купли-продажи товаров имеет уяснение следующего положения: даже если имеет место существенное его нарушение либо если истек срок, установленный в *Nachfrist* извещении для исполнения обязанностей, *расторжение договора в силу самого факта наличия должных оснований (ipso facto) не будет иметь места*. Расторжение договора рассматривается всего лишь как одно из правомочий, предоставленных пострадавшей

стороне при нарушении договора, обращение к которому не имеет обязательного характера, а зависит от самого субъекта и обуславливается конкретными обстоятельствами отношений, возможностью защитить свои интересы в наибольшей степени. Поэтому статьи 49(1) и 64(1) и закрепляют, что пострадавшая сторона *может заявить* о расторжении договора, если имеются на то должные основания. Таким образом, расторжение договора, по Венской конвенции, в отличие от Конвенции о единообразном законе о договоре международной купли-продажи товаров 1964 г. (ULIS), не имеет автоматического характера.

Что касается соответствующего механизма, то для признания договора расторгнутым достаточно заявления о расторжении, "которое имеет силу лишь в том случае, если оно сделано другой стороне посредством извещения" (ст. 26). Отказ от судебной процедуры расторжения договора, как нам представляется, превращает данную меру в эффективное средство правовой защиты, которое может быть использовано наряду с другими правомочиями, в частности с требованием о возмещении убытков. Поэтому следует только приветствовать закрепление в статье 493 Гражданского кодекса Республики Беларусь возможности осуществить расторжение договора поставки в случае его существенного нарушения (односторонний отказ от исполнения) не в судебном порядке, что является общей нормой для статьи 420 Гражданского кодекса Республики Беларусь для договорных отношений, а посредством соответствующего уведомления.

В связи с серьезностью последствий расторжения договора для обеих сторон, возникает следующий очевидный вопрос. Каким требованиям должно отвечать заявление о расторжении договора, чтобы оно имело силу? Как нам представляется, учитывая историю разработки Конвенции⁷, указание в статье 26 на необходимость сделать его *посредством извещения другой стороны* не следует понимать как требующее только письменной формы. Надо согласиться с высказываемыми в литературе предложениями, что извещение о расторжении договора может быть сделано как в письменной, так и в устной форме⁸. Причем следует иметь в виду, что на извещение о расторжении договора не распространяется статья 12 Конвенции, допускающая возможность для государства-участника заявить оговорку о неприменении тех норм Конвенции, которые допускают заключение, изменение или прекращение договора соглашением сторон не в письменной, а в любой иной форме. Поэтому вызывает возражение высказываемая в отечественной литературе позиция, которая сводится к тому, что заявление о расторжении договора, когда одним из участников является субъект хозяйствования государства, заявившего соответствующую оговорку по статьям 12 и 96 Конвенции (Республика Беларусь, Российская Федерация), должно всегда быть сделано в письменной форме⁹. Об обратном свидетельствуют следующие аргументы: во-первых, статья 12 касается только действий *по обоюдному заключению и прекращению договора* в силу части II Конвенции (ст. 26 находится в части III); во-вторых, такая редакция статьи 12 как раз и явилась следствием обсуждения на Венской конференции озабоченности большинства делегатов недопустимостью распространять статью 12 и на извещения об одностороннем расторжении договора, поэтому специально предлагаемая поправка представителя СССР (документ A/CONF.97/C.1/L.35) была отклонена на Вен-

ской конференции¹⁰. Следовательно, общие положения Конвенции о возможности заявить о расторжении договора как в письменной, так и в устной форме применимы и для субъектов хозяйствования Республики Беларусь. Причем если соответствующее извещение о расторжении делается надлежащими при обстоятельствах средствами, то задержка или ошибка в передаче сообщения не лишает сторону права ссылаться на свое сообщение (ст. 27 Конвенции), что отличается от регулирования, содержащегося в пункте 4 статьи 493 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Что касается содержания такого заявления о расторжении, то, на наш взгляд, указание на то, что сторона не считает себя больше связанной договором, независимо от того, заявляет ли она об отмене, отказе, расторжении либо аннулировании договора, будет достаточным. Совершение же действий, свидетельствующих о намерении стороны отказаться от договора, как нам представляется, само по себе не следует понимать как заявление о расторжении договора. Последующее устное либо письменное извещение должно иметь место, что устранит какую-либо неопределенность.

Предоставляя пострадавшей стороне право заявить о расторжении договора, Венская конвенция устанавливает временные рамки для осуществления соответствующего правомочия лишь в тех случаях, когда поставка товара либо уплата цены состоялась, что имеет целью исключить для исправного контрагента возможность необоснованно затягивать с расторжением договора, спекулируя на изменении конъюнктуры цен на товар. Установленные в статьях 49(2) и 64(2) временные ограничения могут быть сведены к следующим:

1) если продавец поставил товар, покупатель утрачивает право заявить о расторжении, если он не сделает это:

a) в отношении просрочки в поставке — в течение *разумного срока* после того, как он узнал о том, что поставка осуществлена;

b) в отношении любого другого нарушения договора — в течение *разумного срока*

i) после того, как он узнал или должен был узнать о таком нарушении,

ii) после истечения дополнительного срока, установленного в *Nachfrist* извещении,

iii) после истечения дополнительного срока, указанного продавцом для своего исправления (ст. 48);

2) если покупатель уплатил цену (применимо, на наш взгляд, только при уплате полной цены), продавец утрачивает право заявить о расторжении, если он не сделает это:

a) в отношении просрочки исполнения со стороны покупателя — до того, как продавец узнал о состоявшемся исполнении;

b) в отношении любого другого нарушения — в течение *разумного срока*

i) после того, как он узнал или должен был узнать о таком нарушении,

ii) после истечения дополнительного срока, установленного в *Nachfrist* извещении.

Продолжительность "разумного срока" должна определяться исходя из специфики коммерческих отношений, так как необоснованная задержка с расторжением договора и без того увеличивает расходы по хранению товара, вероятные риски по его утрате и повреждению, которые несет неисправный контрагент. Поэтому расторжение договора по истечении "разум-

ного срока" может быть признано недействительным, и все риски и расходы будут переложены на исправного контрагента.

Помимо временных пределов, право расторгнуть договор подлежит и другим ограничениям. *Во-первых*, неуведомление о характере несоответствия товара (стст. 39, 43) лишает сторону права расторгнуть договор. *Во-вторых*, статья 82 исключает расторжение договора, если покупатель не может вернуть товар в том же по существу состоянии, в котором он его получил¹¹, если только эта невозможность не вызвана его действиями и упущениями, либо если товар пришел в негодность в результате его осмотра, либо был продан или потреблен до того, как обнаружилось несоответствие. Покупатель, который утратил право заявить о расторжении договора по статье 82, сохраняет право на все другие средства правовой защиты, предусмотренные договором и Конвенцией. *В-третьих*, право расторгнуть договор не может быть осуществлено в течение срока, указанного в *Nachfrist* извещении, а также во время срока, установленного в предложении продавца исправить недостатки (ст. 48), когда покупатель соглашается принять исправление либо не дает ответа в течение разумного срока после получения такого предложения. *В-четвертых*, право покупателя расторгнуть договор существенно ограничивается статьей 51, которая предусматривает для покупателя обязанность применять средства защиты, установленные в статьях 46—50, в отношении недостающей части или части, не соответствующей договору, а не всего контракта. Поэтому если продавец поставил, скажем, 70 % товара либо если только 70 % товара соответствует договору, покупатель может заявить о расторжении договора лишь в отношении 30 %. В целом договор может быть расторгнут только в том случае, если частичное неисполнение или частичное несоответствие товара составляет существенное нарушение всего договора (ст. 51(2)). И *в-пятых*, статья 80, устанавливающая, что "сторона не может ссылаться на неисполнение обязательств другой стороной в той мере, в какой это неисполнение вызвано действиями или упущениями первой стороны", может в некоторых ситуациях ограничить правомочие расторгнуть договор.

Что касается последствий расторжения договора, то они определяются в разделах 5 и 6 (стст. 81—88) Конвенции. С одной стороны, расторжение договора освобождает обе стороны от их обязательств по договору (проспективный эффект). С другой стороны, право на взыскание могущих подлежать возмещению убытков сохраняется, так же как не затрагиваются положения договора, касающиеся порядка разрешения споров или прав и обязательств сторон в случае его расторжения (ст. 81(1)). Более того, следствием расторжения договора по Конвенции является право контрагента, исполнившего договор полностью или частично, требовать от другой стороны возврата всего того, что им было поставлено или уплачено (ст. 81(2)), включая и доход, полученный от товара или его части, а также проценты с подлежащей возврату цены (ст. 84). Такое своеобразие предусмотренных последствий позволяет сделать вывод, что используемая в Конвенции концепция расторжения договора не имеет аналогов в национальных правовых системах. Поэтому попытки отождествить ее с национальными категориями могут привести к неправильному пониманию и применению норм Конвенции, для исключения чего, кстати, и было решено использовать правовой термин *avoidance* (расторже-

ние), который не известен праву большинства стран. Учитывая это, можно сделать вывод, что сущностью концепции "расторжения договора", по Венской конвенции, является ее правозащитный характер. Заявления о расторжении договора, пострадавшая сторона, с одной стороны, освобождает и себя, и неисправного контрагента от их обязательств по договору, но, с другой стороны, она может потребовать возврата всего исполненного. И именно право потерпевшей стороны вернуть себе то, что она исполнила по договору до его расторжения вследствие существенного нарушения должником, обуславливает правозащитную природу рассматриваемой меры.

Подводя итог рассмотрению расторжения договора как средства правовой защиты при нарушении договора международной купли-продажи товаров, следует указать на значительные различия между регулированием, установленным в Венской Конвенции, и теми нормами, которые закреплены в законодательстве Республики Беларусь применительно к договору поставки. Гражданский кодекс Республики Беларусь исходит

из возможности расторжения договора (односторонний отказ от переданного товара) даже при незначительных нарушениях, например, при просрочке в поставке (ст. 481), недопоставке товара (ст. 436), что, на наш взгляд, имеет целью не столько защитить интересы пострадавшей стороны, сколько *побудить должника*, под страхом возможного отказа от исполнения договора (отказа от принятия товара), в результате чего он понесет значительные убытки, исполнить свои обязанности надлежащим образом. Для международного же коммерческого оборота такой подход неприемлем. Правовое регулирование в Венской конвенции направлено в первую очередь на создание таких правовых механизмов, которые позволяли бы пострадавшей стороне защитить свои интересы при любых обстоятельствах, в то же время учитывая интересы неисправного контрагента. И расторжение договора, влекущее обязанность вернуть исполненное по сделке, предоставляет потерпевшей стороне дополнительные возможности, которые должны учитываться субъектами хозяйствования Республики Беларусь при выборе той или иной схемы защиты.

¹ Treitel G. Remedies for breach of contract: a comparative account. New York: Oxford University Press, 1989. P. 389.

² See: Michida S. Cancellation of Contract // American Journal of Comparative Law. 1979. Vol. 27. P. 280—281.

³ Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). Second Edition (in translation) / Ed. P. Schlechtriem. Oxford, 1998. P.181—182.

⁴ See: Case Law on UNCITRAL Texts. Doc.A/CN.9/SER.C/. Abstract N 79.

⁵ Ibid. Abstract N 171.

⁶ Karollus M. Judicial Interpretation and Application of the CISG in Germany 1988—1994 // Cornell Review of the Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 1995. P. 73.

⁷ Предложение о том, чтобы заявление о расторжении договора совершалось в письменной форме либо сопровождалось письменным извещением, было отвергнуто еще на подготовительной стадии разработки Конвенции. См.: UNCITRAL Yearbook. VIII. 1977. P. 32.

⁸ Enderlein F., Maskow D. International Sales Law. New York: Oceana, 1992. P. 117; Bianco C., Bonell M. Commentary on the International Sales Law. Milan: Giuffrè, 1987. P. 224.

⁹ Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: Комментарий. М.: Юридическая литература, 1994. С.76—77.

¹⁰ Конференции ООН по договорам международной купли-продажи товаров: Официальные отчеты. Документ A/CONF.97/19. Нью-Йорк, 1981. С. 317.

¹¹ Обязанность вернуть товар "в том же по существу состоянии" предполагает, что изменения в состоянии товара должны быть значительными для того, чтобы нельзя было от продавца требовать его принять в качестве эквивалента того, что он поставил, даже если он и совершил существенное нарушение договора // Комментарий к проекту Конвенции: Официальные отчеты. С. 67.

SUMMARY

"Rescission of an International Contract of Sale" (Andrey Zharsky)

The concept of rescission as fixed in the Vienna convention is aimed at protection of rights, which differs significantly from the regulation fixed in the civil legislation of the Republic of Belarus as applied to the delivery contract. The civil code of the Republic of Belarus proceeds from the possibility of the contract rescission (unilateral rejection of the goods delivered) even when there are small breaches, e. g. the delay in delivery (Art. 481), underdelivery of the goods (Art. 436), which aims not so much to protect the interests of the aggrieved party as to induce the debtor to perform his obligations properly at the risk of a possible refusal by the contact counteragent to perform the contract, thus leading to significant losses. In contradistinction to this approach, the legal regulation in the Vienna Convention is aimed at retaining the contractual relations while admitting rescission as an exclusive case, which takes into account the interests of the default counteragent. However, the fact that, according to the Convention, the contract rescission entails the obligation to return the items received, provides the aggrieved party with additional opportunities that should be taken into account by the economic subjects of the Republic of Belarus in choosing a certain type of defence. The real cause for the rescission of an international contract of sale is the violation defined not according to the amount of losses but through the loss of interest for the regular party to continue the performance of the contract.